

0-789584

На правах рукописи

БОРИСОВА Оксана Сергеевна

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ В СОВЕТСКОМ КИНОДИСКУРСЕ:
ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ**

Специальность 09.00.13 – философская антропология, философия культуры

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

Белгород – 2011

**Работа выполнена на кафедре философии
ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»**

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Римский Виктор Павлович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
доктор философских наук, профессор
Щавелев Сергей Павлович
кандидат философских наук, доцент
Меринков Валерий Юрьевич

Ведущая организация ГОУ ВПО «Курский государственный
университет»

Защита состоится 30 сентября 2011 г. в 17.00 на заседании совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 212.015.05 по философским наукам при Белгородском государственном университете (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (308015 г. Белгород, ул. Победы, 85).

Автореферат разослан «__» _____ 2011 г.

Автореферат размещен на сайте: <http://www.bsu.edu.ru>

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000687188

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук, доцент

Т.И. Липич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В гуманитарной мысли мало столь актуальных и проблемных тем как революция. Всем известная мифологема «бродящего по Европе призрака» изменила географию своего присутствия и полюсы напряжения (распад СССР и «социалистического лагеря», недавние «оранжевые» события на постсоветском пространстве и «сетевые» революции в странах Азии и Африки тому свидетельство), но не отменила жесткой альтернативы между традицией и революцией, реформой и революцией. Революция как миф и идея, возможность и актуальность, по-прежнему номинируется как угроза.

В Европе контркультурная революция 1968 года – отправной пункт для творчества многих философов постсовременности, от Ж.-П. Сартра до С. Жижека. Культура постмодерна упорно и методично пытается совладать с революцией, присваивая ее символы и конвертируя их в узнаваемые бренды. В нашей стране травматичный опыт революций начала XX века уступил место столь же болезненному опыту потрясений 90-х годов, которые по масштабу изменений также можно считать революцией (или контрреволюцией), хотя пока мы не имеем таковой ее репрезентации в качестве события.

Но сколь бы критически мы не воспринимали происходящее с революцией как идеей или мифом в наши дни, одно остается неизменным – рассматривать революцию вне культурно-антропологического контекста ее репрезентации сегодня нельзя. Исследования дискурсивной природы властных отношений, опосредованность нашего восприятия происходящего призмой медийных стереотипов убеждают в этом.

В пространстве сопряженности указанных проблем находятся важнейшие дилеммы соотношения человека и власти, легитимности и насилия в революции, субъективации и репрезентации революции, которые определяют наш интерес к теме философско-антропологических измерений репрезентации революции в советском кинематографе 20 – 30-х гг. XX века, наиболее массовом, мифологизированном и человекодоступном искусстве.

Степень научной разработанности проблемы. Понятийно-категориальная специфика осмысления революции заключается во взаимоотношении двух смыслов революции – одновременно и стихийного, и управляемого процесса. Возникнув в естественнонаучном дискурсе (революция как противоположность эволюции, ее специфический «обратный ход», «поворот», «переворот», «катастрофичность», «обрушение»), концепт «революция» привносит эти свои первичные, натурфилософские смыслы в описание политических изменений уже в работах Т. Гоббса, Д. Локка, Д.Юма. Второй смысл появляется в позитивном истолковании революции как закономерности и явления естественного в работах Ж.-Ж. Руссо, других просветителей, а также И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. Религиозно-политические трактовки революции мы встречаем в работах Т. Карлейля, А.де Токвиля, О.Конта. Необратимость, катастрофичность – суть смыслы, наполняющие понятие в работах указанных авторов, а также Ж. де Местра, Э. Берка.

Разработанную, достаточно рациональную и обоснованную теорию революции мы находим в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, русских марксистов Г.В. Плеханова, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.А. Богданова и многих других. Советская социально-гуманитарная мысль 20-30-х гг. ожидаемо идеализировала и мифологизировала революцию, примером чего можно считать труды не только И.В. Сталина или Н.И. Бухарина, но и большинства советских ученых тех лет. В 50 – 60-е годы в советской социально-гуманитарной (прежде всего, исторической) науке в рамках марксистского контекста был накоплен большой эмпирический материал и дано достаточно объективное (в том числе и критическое) осмысление мировых революций как *социальных событий*, в том числе и отечественных революций начала XX века.

Культурные и экзистенциальные противоречия революции были осмыслены уже в творчестве Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Н.Н.Страхова, К.Н. Леонтьева и других русских философов XIX века, как либеральной, так и консервативной ориентации. Представители русской дореволюционной и зарубежной религиозно-философской мысли XX века продолжили традиции критической религиозно-политической и философско-антропологической

интерпретации революции, примером чего служат сборники «Вехи», «Из глубины», работы Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А.Ильина, П.И. Новгородцева, В.В. Розанова, П.Б. Струве, Г.П. Федотова, С.Л. Франка и других. В.И. Ильиным в работе «Религия революции и гибель культуры» предпринята попытка осмысления революции как антипода культуры.

Современные трактовки революции в западной науке и философии, во многом спровоцированные событиями мая 1968 года, мы можем найти в трудах Ж.-П. Сартра, Ж. Делеза, С. Жижека и А. Бадью, которые рассматривают революцию как *экзистенциальное и символическое событие*.

Вопросы соотношения революции и искусства в рамках отечественной науки затрагивались в работах Д. Вертова, В.А. Дмитриева, Вяч. Вс. Иванова, Ю.А. Лукина, В. Муриан, С.М. Третьякова, С.И. Фрейлих, С.М.Эйзенштейна, Н.И. Хренова, М. Раку.

Для нашей работы имеют значение работы многих ученых и философов последних лет, посвященные проблемам соотношения революции и культуры, в частности исследование В.Л. Соскина «Революция и культура, 1917-1920 гг: историко-теоретический аспект» (1994). Ш. Плаггенборгом в работе «Революция и культура» (2000) предпринят детальный анализ политико-культурных преобразований в первые годы советской власти. Семиотические интерпретации революции, раскрывающие связь революции, литературы и антропологии можно найти в работе М. Могильнер «Мифология «подпольного человека» (1999).

Различные аспекты соотношения власти и искусства, власти и культуры затрагиваются в работах зарубежных авторов: Эми Нельсон «Музыка для революции: музыканты и власть в ранней советской России» (2004), Тимоти Эдвард О'Коннор «Политики советской культуры: Анатолий Луначарский» (1983), Аббот Глизон, Питер Кенез, Ричард Стайтс «Большевицкая культура: эксперимент и порядок в период революции» (1989), Джеффри Брукс ««Спасибо вам, товарищ Сталин!»: Советская общественная культура от революции до Холодной войны» (2000). В частности, проблеме революционного кино и советского кинематографа посвящены работы Денис Д. Янгблад «Кино для масс: киноискусство и советское общество в 1920г.» (1993), Ричард Тэйлор,

Д.В. Спринг «Сталинизм и советское кино» (1993), Питер Кенез «Киноискусство и советское общество, 1917-1953» (1992). Религиозным и этнокультурным аспектам русской революции посвящены работы Кенез Б. Мосс «Еврейский ренессанс в период революции» (2009), Стэфани Хофман, Эзра Мендельсон «Революция 1905-го и русские евреи» (2008).

Различные аспекты политики и власти в годы революции и советской власти, революционного и тоталитарного искусства и литературы, культуры и антропологии тоталитаризма раскрываются в работах А.С. Ахизера, Ю.М.Бородая, Ю.Н. Давыдова, И.М. Голомштока, А.А. Зиновьева, К.С.Гаджиева, Л.Г. Ионина, Р.И. Капелюшникова, А.А. Кара-Мурзы, М.С.Ковалевой, Н.Н. Козловой, И.В. Кондакова, В.А. Красильщикова, А.И.Кравченко, В.П. Макаренко, М.П. Одесского, А.С. Панарина, В.З.Паперного, В.А. Подороги, В.П. Римского, Н.В. Романовского, М.К.Рыклина, А.Ю. Согомонова, Д.М. Фельдмана, В.А. Чаликовой, А.М.Эткинда, А.К. Якимовича и некоторых других авторов.

Проблема визуализации революции в рамках истории искусства и методологии исследования кинодискурса поднималась в работе Е. Добренко «Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив» (2008), О. Булгаковой «Фабрика жестов» (2005). В том числе большое методологическое значение в исследовании этого аспекта имеют работы теоретиков *визуальной антропологии*, нового теоретико-методологического направления в современной науке, в частности К.Э. Разлогова, Е.В.Александрова, Т.Ю. Дашковой, П. Штомпки, А. Усмановой, А. Горных, Е.Ю. Мещеркиной-Рождественской, Л. Малес, В.Л. Круткина, В. Флюссера, Е.В. Петровской, Дж. Роуз.

Теория дискурса и методология дискурс-анализа, послужившая основой для экспликации философско-антропологического содержания советского кинодискурса 20-30-х гг., представлена работами Р. Водак, Т.А.ван Дейка, И.Т. Касавина, Е.А. Кроткова, Е.А. Кожемякина, Э. Лаклау, М. Фуко. Кинодискурс специально исследовался М.А. Ефремовой, Е.Б. Ивановой, Г.Г. Слышкиным, А.Н. Зарецкой.

Большое значение для нашего исследования имеют труды крупных западных и отечественных ученых и философов, специалистов в различных сферах гуманитарного знания: С.С. Аверинцева, Т. Адорно, Р. Барта, М.М. Бахтина, П. Бергера, М. Блока, Ф. Броделя, А.Я. Гуревича, Ж. Дюби, Ж. Ле Гоффа, Д.С. Лихачева, А.Ф. Loseва, Ю.М. Лотмана, Е.М. Мелетинского, М.К. Петрова, Б.А. Успенского, М. Элиаде, Ж.-Л. Нанси, М. Фуко, С. Жижека, М. Мерло-Понти, В. Бенямина, Ж. Деррида и многих других.

Однако, стоит отметить, что несмотря на достаточную исследованность революционной и тоталитарной культуры, проблема репрезентации революции в ее философско-антропологическом и философско-культурологическом аспекте фактически не рассматривалась, равно как остаются до конца не выявленными философско-антропологические смыслы революции как *экзистенциального и культурного события*, что и определило предметное и методологическое поле нашего исследования.

Исходя из вышесказанного, **объект** нашего исследования – *образы отечественных революций XX века в советском искусстве*.

Предмет исследования – *культурно-символические и антропологические формы репрезентации опыта русских революций XX века в советском кинематографе*.

Цель нашей диссертационной работы – *философско-антропологическая интерпретация репрезентации революции в советском кинодискурсе 20-30-х гг. XX века*.

Реализация поставленной цели обусловила постановку и решение конкретных задач:

- проанализировать основные направления в интерпретации концептов «революция» и «событие» в философии и современной гуманитарной науке;
- определить методологические принципы анализа репрезентации революции как события в кинодискурсе;
- рассмотреть философско-антропологическую специфику репрезентации революции в советском кинодискурсе 20-х годов;
- выявить философско-антропологические смыслы репрезентации революции в тоталитарном кинематографе 30-х годов.

Теоретико-методологические основы исследования. Выбор междисциплинарной, философско-антропологической и философско-культурологической методологии и принципов исследования обусловлен спецификой объекта и предмета:

- исторической и современной культурной и антропологической динамикой феномена репрезентации революции (принцип историзма, диалектический, сравнительно-исторический методы);

- сложным системным и структурно-функциональным характером объекта, сочетанием антропологического, культурного, идеологического, религиозного, политического, знаково-символического и дискурсно-коммуникативного моментов, что делает необходимым использование различных методологий исследования революции (системно-структурный, системно-функциональный методы, метод дискурс-анализа и деконструкции);

- необходимость выявления специфики форм репрезентации революции предопределила обращение к методологии, разработанной в рамках направления визуальной антропологии.

Материал исследования представлен фильмами советского кинематографа 20-30-х годов, тематически связанных с русскими революциями 1905-1917 гг. Обращение к этому периоду обусловлено гипотезой о принципиальной несовместимости события революции и феномена тоталитаризма, что находит свое отражение в кинодискурсе, смене антропологических смыслов репрезентации революции.

Для исследования были отобраны художественные фильмы, которые можно считать знаковыми и типичными для репрезентации революции, а потому и наиболее значимыми для анализа кинодискурса исследуемого периода. Общее число используемых фильмов – 8: «Кино-глаз» (Д. Вертов), «Броненосец Потемкин» (С. Эйзенштейн), «Чапаев» (Г. и С. Васильевы), «Ленин в Октябре» (М. Ромм), «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона» (Г. Козинцев и Л. Трауберг), «Аэроград» (А. Довженко).

Научная новизна диссертационного исследования состоит в следующих результатах:

– исследование показало, что использование концепта «событие» позволяет расширить проблемное поле и выявить философско-антропологическое содержание концепта «революция» и формы репрезентации *революции как события*;

– определено, что *событие революции* длится в событии репрезентации в кинодискурсе как своей знаково-символической ипостаси, что предопределяет использование методологических приемов визуальной антропологии и принципов деконструкции и историзации;

– выявлена философско-антропологическая специфика репрезентации революции в советском кинодискурсе 20-х годов, связанная с разрывом устоявшихся культурных традиций и конструированием «естественного человека», возникающего вследствие отождествления субъекта и динамичной среды «нового мира»;

– рассмотрена природа репрезентации революции в тоталитарном кинематографе 30-х годов XX века, которая определяется самоисчерпанием революции как события и трансформации «естественного человека» революции в «человека политического» средствами историзации.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Общим основанием, которое позволяет свести дискурс о революции к «общему знаменателю» и конкретизировать концепт «революция» является концепт «событие». Революция-Событие есть противоречивое единство субъективного и объективного, частного и общественного, феноменального и дискурсного. Событие дает начало *человеку-субъекту* посредством следования некоему экзистенциальному императиву, который внеположен ситуациям обыденности или ситуациям динамичности, задаваемых коллективом-субъектом. Человек здесь не является квинтэссенцией прагматического опыта или кристаллизацией предписаний Другого (индивидуального и коллективного), но есть порождение самого субъекта, самопорождение.

2. *Событие репрезентации* как знаково-символическая реальность связано с революцией-событием процедурой «верности» (А. Бадью), и основано на возможности знака презентировать не наличную реальность, но

иное, которое может быть отождествлено с событием. В столкновении субъективного и объективного, пространстве-времени пересечения зрителя и автора, персонажа и объектов, камеры и реальности, возникает специфическое *аудиовизуальное пространство кинодискурса* как специфической образно-нарративной смыслопорождающей коммуникативной деятельности, индуцированной культурной ментальностью и идеологией той или иной эпохи-события и выраженной в образах, текстах, контекстах, концептах и знаково-символических формах. Такое понимание кинодискурса обуславливает методологические принципы исследования: *деконструкция* – установка на восприятие киноповествования как совокупности сингулярностей, организованных дискурсно и событийно; *историзация* как необходимость диахронного анализа события-репрезентации и исследования смены дискурсных формаций (эпох-событий).

3. Революция как событие определяет разрыв культурных традиций (социальных, политических, ментальных и иных), воспроизводит ситуацию «обнуления субъекта», вторичного конструирования «естественного человека», нарушает не только вертикальную политическую иерархию, но и горизонтальные, онтологические субъект/объектные отношения, что и репрезентируется в кинодискурсе 20-х годов. Д. Вертов радикально смешивает «субъектность» человека и его «объектность», доводит «обнуление человека» до орудия труда, предмета, станка, трактора и прочего, создавая событие-репрезентацию революции на антропологическом уровне, «сталкивая» субъект и объект в восприятии до их отождествления. В кинодискурсе С.М. Эйзенштейна событие революции репрезентирует себя не только в столкновении камеры и непосредственно жизни, но и на уровне реальности и монтажа как идеи революции, которая реконструирует себя в памяти и образе. В фильме «Броненосец Потемкин» мы видим переход «структур повседневности» в революцию, противоречия «нового» и «старого» мира находят разрешение в деятельности «естественного» субъекта-массы.

4. Кинодискурс 30-х годов XX века в своих философско-антропологических смыслах претерпевает существенные изменения. Происходит само-исчерпание революции как события и как события

репрезентации, обусловившее процессы культурно-семиотической инверсии, которая как переворачивание есть принцип и логика трансформации средствами историзации «естественного субъекта» революции в «субъекта политического». Кинематограф уже не является средством репрезентации революции, ее отражения и сохранения «верности» ей, а представляет собой авторитетного Другого, активно формирующего субъекта, направляющего его витальную активность в рамках складывающегося тоталитарного культурно-антропологического универсума.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные идеи работы представляют интерес для дальнейшего развития современной философской антропологии и философии культуры. Результаты исследования могут быть использованы в экспертной оценке и моделировании процессов, происходящих в сфере культуры, в создании инновационных технологий репрезентации современной власти в горизонте её человекоразмерности.

Результаты диссертационного исследования могут применяться в процессе преподавания курсов философии, культурологии, философской и социальной антропологии, в чтении спецкурсов по антропологии кино и философии революции.

Апробация работы. Основные положения диссертации сообщались на научно-теоретических и научно-практических конференциях: «Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигмы: Всероссийская научная конференция (Белгород, 2006)», «Дискурсология: методология, теория и практика: Международная Научно-практическая конференция, посвященная памяти Жана Бодрийара (Екатеринбург, 2007)», «Н.Н. Страхов и русская культура XIX-XX вв.: к 180-летию со дня рождения: Международная научная конференция (Белгород, 2008)», «Социокультурная среда молодежного экстремизма и ксенофобии: Международная научно-практическая конференция (Белгород, 2008)», «Шестые Страховские чтения: философские проблемы понимания в культуре и науке: международная научная конференция (Белгород, 2010)», «Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров на базе ведущих научно-образовательных центров в области социально-гуманитарных наук:

Всероссийская конференция с элементами научной школы для молодежи. (Белгород, 2010)», «Философия и наука поверх барьеров: Нации и этнокультурная идентичность в современном мире: Всероссийская научная конференция молодых учёных, докторантов, аспирантов и студентов (Белгород, 2011 г.)», «Национальный вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (Белгород, 2011 г.)».

По теме диссертации опубликовано 15 научных работ (в том числе 4 статьи в журналах из списка ВАК) общим объемом 7,65 п.л. Результаты исследования нашли отражение в процессе преподавания учебных курсов «Философия» и «Социальная философия» в НИУ «БелГУ».

Диссертация обсуждалась и была рекомендована к защите на заседании кафедр философии НИУ «БелГУ».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав и четырех параграфов, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** определяется актуальность темы диссертации, проанализировано состояние научной разработанности проблемы, определены предмет, цель, задачи и теоретико-методологические основы исследования, сформулированы основные пункты новизны и положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Революция как событие: концепты и методология интерпретации» посвящена концептуально-теоретической и философско-методологической проработке проблемного поля исследования.

В **первом параграфе «Философско-антропологические смыслы концептов «Революция» и «Событие»** отмечается, что анализ форм репрезентации революции с последующей экспликацией философско-антропологического содержания этого события подразумевает инструментализацию основных понятий, а также анализ существующей в философии философско-методологической и теоретической традиции рассмотрения революции.

Авторская трактовка революции раскрывается через обращение к концепту в его делезовском смысле, поскольку революция есть некая множественность, возникающая на пересечении различных дискурсов (художественных, религиозных, научных). Ограничивая сферу изысканий дискурсом философии и социогуманитарного знания, стоит упомянуть о происхождении самого термина, который возникает в эпоху Возрождения в дисциплинарном пространстве космологии и означает вращение. Понятийный дрейф революции из сферы естественнонаучного дискурса в дискурс политический был вызван, прежде всего, Английской революцией XVII в. и Великой французской революцией. Т. Гоббс, Д. Локк, Д. Юм употребляют это слово для номинирования необратимых изменений в политической жизни государства, оценивая их с консервативных позиций.

Рефлексия событий 1789 г. складывалась в контексте исторической эпохи в связи с противостоянием религии и секуляризма, духом Просвещения и рационализма, а также в сравнении с такими явлениями как «бунт» и «восстание» (прежде всего с «английским восстанием», осмысленным достаточно поздно как революция). В этом понятийном ряду революция связывалась с качеством необратимости происходящих событий и кардинальных перемен. В отличие от бунта или восстания, которые укладывались в привычную систему координат форм политического оппозиционализма, признанных форм насилия и сопротивления, революция явно выпадала из этого ряда. Тому свидетельством попытки теоретического освоения произошедшего в рамках философского дискурса представленные именами Э. Берка и Ж. де Местра.

Вместе с тем, традиция Просвещения предлагала иные объяснительные модели, основывавшиеся на рациональном истолковании предпосылок явления и стремящиеся к уподоблению естественнонаучному дискурсу. Революция трактуется как закономерность, часть *естественного хода* вещей детерминированных естественными законами развития природы и общества (преимущественно сторонники революции) или же законами божественного возмездия (ее противники). Другой особенностью восприятия революции была высокая степень ее «обобщения», поскольку действующим лицом

признавался «народ»; личность же, единичный человек-субъект элиминировался этой общностью-категорией.

Дальнейшее осмысление революции в философии усиливает названный нами момент «отвлеченности», проявляющийся в тенденции рассматривать проблему в духе закономерно-естественных процессов. Так, следующей значительной вехой на этом пути можно считать работу Гегеля «Феноменология духа», в которой революции укладываются в общую схему динамики формообразований духа.

В работах основателей марксизма мы находим научную концепцию революции как составной части материалистического понимания истории. Вместе с тем, сама задача построения научной теории пролетарской борьбы вполне укладывается в общую схему восприятия революции как естественного и закономерного процесса, родственного процессам, происходящим в природной реальности. У Маркса революция – это событие социального и политического порядка, но не собственно антропологического, которое, в свою очередь, подчинено внутренней логике развития, объективной по сути и подчиненной идее прогресса. Именно посредством этой идеи «человек» «входит» в революцию у Маркса или скорее подразумевается.

Морально-этическому ракурсу русской религиозной философии, в полной мере раскрытому авторами сборников «Вехи» и «Из глубины», противостоял дискурс о революции в изложении революционеров, в котором он обретает черту, которую можно назвать технологизмом. Революция как объект анализа лишается своего метафизического и антропологического измерения и трактуется как закономерное явление развития социума, имеющее свои предпосылки, законы развития, движущие силы и прочие атрибуты объективного явления, препарированного научной рациональностью.

В этом ключе развивалась теория революции XX века, в которой приоритет в исследовании революций следует отдать американским исследователям, которые начиная с 20-х гг. XX века создают субдисциплину для изучения проблемы революции на стыке истории, социологии и политологии. Дискурс о революции в институциональном поле социально-

гуманитарных наук выстраивается вокруг довольно ограниченного круга объектов, из которых человек не является главным или определяющим.

Вместе с тем, общим основанием, которое позволяет свести дискурс о революции к «общему знаменателю» будет концепт «событие» – пространство соединения субъективного и объективного, человеческого и коллективного, частного и общественного, феноменального и дискурсного. Сопутствующие такой феноменологии отличительные черты могут называться различно: «предпосылки» и «последствия», «цели», «действующие силы», «акторы» и прочее. Важным является, по нашему мнению то, что все они обязательно позиционируются как *объективные* (относящиеся к миру природы), *субъективные* (относящиеся к человеку/обществу), *интерсубъективные* и *дискурсные*. Характер отношений между указанными элементами сложен, что определяется самим статусом *революции как чистого, идеального события*.

Во *втором параграфе «Репрезентация революции-события в кинодискурсе: методология интерпретации»* выявляются методологические возможности исследования философско-антропологического измерения революции в кинорепрезентации.

Отмечается, что событие проявляет себя как *событие репрезентации*, т.е. событие, длящееся в дискурсе и сохраняющее «*верность*» *событию истины* (А. Бадью). Репрезентация революции, дискурс о революции, понимаемый как смыслопорождающая деятельность, индуцированная событием, зиждется на возможности знака презентировать не наличную реальность, но иное, которое может быть отождествлено с событием.

Кинодискурс обладает уникальной возможностью репрезентации события, поскольку событие может проявлять себя в кино на уровне *организации образов*, своеобразного плана *вторичной реальности*, воспринимаемой индуцированным «процедурой верности» субъектом (режиссером, зрителем), который является своеобразной *точкой сборки события репрезентации*. В столкновении субъективного и объективного, пространстве пересечения зрителя и автора, персонажа и объектов, камеры и

реальности, возникает *хронотоп*, который с полным правом можно назвать привилегированным для отражения события революции.

Отметим, что рождение отечественного кино практически совпало с первой русской революцией 1905 г., в которой революционная культура оформилась как нарративная, конституировалась в художественном слове и легитимировалась в публичном политико-идеологическом дискурсе. Соперничество нарратива и образа в деле репрезентации революции продолжалось до 1920-х гг., когда возникают предпосылки для совершенно нового этапа в развитии отечественного искусства и, прежде всего, кинематографа, что связано с внутренней логикой развития кино и собственной динамикой революции как события и разрыва традиции.

Реальность, образ и средства репрезентации соответствуют друг другу, и именно кинематограф становится одним из ведущих средств визуализации культуры в XX веке, а также презентации и генерации человека новой, советской культуры, поэтому целесообразно использовать методологические приемы визуальной антропологии. Поскольку кинодискурс революции индуцирован событием, важными методологическими принципами, предшествующими анализу революционного кино, будут являться принципы деконструкции и историзации.

Говоря о событии репрезентации революции, мы можем остановиться на методологической модели, включающей следующие уровни: 1) исторический и социокультурный контекст события репрезентации (революции). В данном случае следует учитывать не только факт события революции, но и проводить анализ культуры, в том числе, кинематографа, что позволит оценить «разрыв» как конституирующее событие на уровне киноязыка, технологии производства образов-нарративов; 2) непосредственный анализ события репрезентации (кино о революции), который будет включать в себя анализ процесса означивания, раскрывать связь образа и смысла на конкретных примерах (особенности плана съемки, ракурса, движения камеры и монтажа); 3) анализ повествования, включающий в себя описание персонажей, сюжета и особенностей их *антропологической визуализации* средствами кино.

Во *второй главе* «Философско-антропологическое измерение революции в советском кинодискурсе 20 – 30-х гг.» осуществляется философско-антропологический и философско-культурологический анализ советского кинематографа указанного периода.

Первый параграф «Репрезентация человека и революции в советском кино 20-х гг.» посвящен исследованию особенностей репрезентации революции в советском кинематографе 20-х гг. Революция, понимаемая как событие, разрыв устоявшихся логик воспроизводства культуры и цивилизации действительно предоставляет человека «самому себе». Как правило, антропологическое измерение этого феномена трактуется как «обнуление» традиции или откат назад на уровне системы, ее «соскальзывание» в «первобытный хаос». Можно предположить, что это происходит не сразу. Откату и упрощению предшествует автономизация субъекта. Поскольку событие есть разрыв, и он интериоризируется на уровне конкретного человека, то сам разрыв следует понимать как разрыв в наследовании ценностей, идей, представлений, т.е. *разрыв традиции*, хаотизацию субъекта и его деидентификацию с какой-либо традицией. Происходит то, что можно назвать расщеплением идентичности.

Если вернуться к онтологическому измерению, то человек остается «один на один» с событием – множественностью открытой для изменения. Отсюда начинается «обнуление субъекта», «нулевая антропология», что с полным правом отождествимо с «естественностью» и «безязыкостью», «немотой» и необходимостью «говорения», создания «нового языка» (что отразили в советской литературе А. Платонов и В. Хлебников), что затем и отразилось в появлении звукового кино. Под этой революционной «первичностью» и «естественностью бытия» мы будем понимать своеобразную «точку отсчета», исходный уровень переформатирования субъективации.

Здесь усматривается не только логика самого *события как разрыва* и «обнуления» на уровне конкретного человека до уровня естественности, равно как и системного отката социокультурной системы к своим более упрощенным формам, но также динамика субъектности в ее самодвижении идентификации. Революция нарушает все иерархии, и человек как объект власти-знания (термин

М. Фуко) в ходе усвоения, интериоризации знания становится субъектом. Однако его «понятность» и проницаемость властным практикам в событии революции дает сбой и человек сталкивается с самим собой, что есть автономность и естественность. Подобное, только на уровне события-репрезентации проделывал Д. Вертов в своем экспериментальном кино и художественно-эстетическом проекте «кино-глаза», в котором герои картины были ее же авторами, соединяя в себе объект и субъект, субъекта действующего и субъекта воспринимающего/переживающего, героя картины и зрителя.

Вертов смешивает субъектность человека и его «объектность». Человек как объект кино съемки, не подходит для революции, поскольку восходит к субъекту, чувственности, индивидуальности. Радикализм Вертова в «обнулении» человека до орудия труда, предмета, станка, трактора и прочего. Своей деятельностью он творил революцию, создавая событие-репрезентацию революции на антропологическом уровне, «сталкивая» субъект и объект в восприятии. С.М. Эйзенштейн доказывает, что событие репрезентирует себя не только в столкновении камеры и непосредственно жизни, но и на уровне реальности и монтажа. На уровне монтажа – это взаимопереход обыденной жизни в восстание, когда революция подобно стихии захватывает людей, низводя до уровня рефлексов и простых эмоций (гнев молодого матроса на ударившего его боцмана в первой части «Люди и черви» переходит в массовое недовольство матросов отношением офицеров).

Столкновение противоречий в их различных ипостасях, как то «матросы – офицеры», «матросы – поп», «корабль – город» и прочее, находят разрешение в кульминации: столкновении двух реальностей (революции и «старого мира»), разграничивает которые «естественный» коллективный субъект, субъект-масса, которая сама осознает себя. Этот коллективный субъект революции (масса) последовательно возрастает в сюжете фильма в стыках полярных частей и образов, репрезентирующих противоречия и несовместимость двух реальностей, «старого» и «нового» мира и человека, из которых возникает «политический» субъект, вырастая из субъекта «естественного».

Во *втором параграфе «Антропология революции в кинематографе 30-х гг.»* осуществлена попытка выявления специфики репрезентации

революции в 30-е годы XX века, период, который нельзя назвать контрреволюцией, несущей смысл обратимости произошедшего события и нагруженного политическими значениями. Но этот период одновременно связан с определенным тоталитарным отрицанием революции, выражавшейся в ее *апроприации* средствами пропаганды, литературы и кино. 30-е годы были *итогом революции*, поскольку ее внутренняя логика развития как события сводится к самоисчерпанию, не просто окончанию в силу прекращения и затухания движущих сил, но именно по причине логики развития события, согласно которой революция отрицает сама себя.

Если по своей сути происходящие процессы были инверсивны, переворачивая событие революции, устранив и сужая множественности, то инструментально они были связаны с *меморизацией* или *историзацией*. Не случайно к этому времени кинематограф «заговорил», перестав быть «великим немым». Возникает жанр *историко-революционного фильма*, меняется стилистика киноискусства, композиция кадра, монтаж. Но в целом происходит *вторжение истории в кино*, связанное с *присвоением* или *апроприацией революции*.

Присвоение события с помощью события-репрезентации происходит в форме демонстрации. В этом контексте историко-революционное кино 30-х имеет четкую идеологическую установку легитимации существующего строя через обращение к *революции как источнику легитимности*, но также метафизическую составляющую, сводящуюся к присвоению события при «пособничестве» события репрезентации. Естественный субъект революции «обрастает» новой «знаково-символической телесностью» (В.П. Римский) и покрывается тканью-нарративом истории, а значит и идеологии.

Нарушение традиционных, сложившихся и привычных стереотипов, ценностей, норм поведения и учреждение новых принуждали человека к поиску ориентиров. Возврат «назад», обращение к фольклору и традициям, включение элементов традиционной культуры в формирующийся символический универсум и было историзацией, что особенно отразилось в этот период в эстетических исканиях С.М. Эйзенштейна, путешествующего в страну мифов и истории. Историзация была обусловлена стремлением «естественного

человека», «человека массы» сузить тот план возможностей, горизонт имманентности, который был ему предоставлен событием революции.

Если тоталитаризм есть «бегство от свободы» (Э. Фромм), то ее избыток, который был дан революцией, поглощается. Поскольку в философско-антропологическом смысле *событие конструирует субъекта* посредством самоконструирования в сложном процессе соотношения себя с Другим, другими субъектами и объектами. Инверсия этого процесса будет состоять в замене самоконструирования конструированием, внешним воздействием, *принуждением*. Так герой 30-х гг. вмещает в себя стихию революции, разрушительную ее энергию, ломающую стереотипы и рамки (герой Чапаев в одноименном фильме), но его стихия сталкивается с «комиссаром», фигурой Другого, имеющего целый ряд важных значений. Это и мудрость (советы даваемые комиссаром всегда верны), и знание (комиссар образован и воспитан, знает больше чем Чапаев), и авторитет партии. «Комиссар» не столько человек, сколько «оракул», медиум, вещающий от имени Другого, партии, наставляющей и образующей «естественного субъекта» Чапаева (тоже изображенного типизировано, подобного другим героям революции).

Если в фильмах Вертова (Кино глаз) или Эйзенштейна 20-х годов субъект растворен в объекте (неразличимость субъекта и объекта – один из признаков мифологизации сознания), авторитетные другие не присутствуют явно, то в фильмах 30-х годов реифицированные основания представлены в полной мере. Кинематограф создает *новую формацию людей* целенаправленно, естественный субъект уступает место субъекту политическому. Но наряду с субъектом конструируется и объект. Взаимопорождение власти и субъекта осуществляется посредством искусства, которое есть медиум, посредник. Кинодискурс выступает своеобразной «машиной» преобразования или перекодирования смыслов, а также «живого» события в норму и стереотип, чувства – в предписание и образец.

Жесткая дихотомия «мы – они», «черное – белое» определяла мышление нового субъекта. Подобная маркировка пространства, мира может быть подтверждена на примере использования света в фильме М. Ромма

«Ленин в Октябре», выпущенном на экраны в 1937 году, действия в котором на протяжении практически всего фильма происходят ночью, в сумраке и только завершающий эпизод, связанный с провозглашением победы революции и речью В.И. Ленина ярко освещен. В этой картине отсутствие света есть попытка репрезентации «свой – чужой», передачи атмосферы заговора и предательства, революции в окружении врагов и главного человека – В.И. Ленина, которому угрожает опасность.

Очевидно, что естественный субъект на пути своей политизации посредством «вхождения в историю» и интериоризации тоталитарного мифа сталкивался с трудностями, поскольку предлагаемый мир был прост, но и сложен одновременно. Возникает закономерный вопрос о скрепах, наличии каких-либо «сквозных» смыслов, практик, связывающих указанные измерения. В картине «Ленин в Октябре» таким феноменом будет чтение. Ленин пишет письмо, которое читают рабочие на заводе и одновременно солдаты на фронте. Ленин, взятый в своей ипостаси Вождя, проникает сквозь все измерения посредством слова. Картина заканчивается устной речью вождя, которая на протяжении всего фильма сопровождается письменной. Не случайно временное правительство лишено возможности говорить, будучи оставленным без связи в Зимнем дворце. Письмо тесно связано с образованием, поскольку на всем протяжении повествования Ленин выступает не только как вождь, но и как учитель. Фигура «товарища Василия» показательна как иллюстрация разворачивающегося политико-педагогического действия, сценарий которого идет от фигуры «рабочего Василия» к остальным рабочим, солдатам, матросам и всем. Естественный субъект подражает (Ленин пример) и учится, но также нуждается в постоянной переделке.

В **заключении** подводятся основные итоги проведенного диссертационного исследования, формулируются значимые выводы, намечаются перспективы дальнейшего анализа исследуемой проблемы, а также области практического применения полученных результатов.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах из списка ВАК:

1. Философско-культурологический анализ современного терроризма // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №9(40). – Вып.2 – Белгород, 2007. – С. 89-95 (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.)
2. К проблеме дискурсивного исследования истории (на примере революционного терроризма) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – №4 (41). – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 34-37 (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.)
3. Самосознание. Террор. Революция // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8(63). – Вып.8 – Белгород, 2009. – С.134-140 (0,5/0,25 п.л.) (в соавт.)
4. Концептуальные инверсии революции в контексте проблематизации этического измерения // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – №8(79). – Вып.12 – Белгород, 2010. – С.162-170 (0,5 п.л.)

Публикации в научных сборниках и коллективных монографиях:

5. Антропологическая и религиозная природа современного терроризма // Человек в изменяющейся России: философская и междисциплинарная парадигмы. Материалы Всероссийской научной конференции (г. Белгород, 4-7 октября 2006г.): в 2 ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Ч.II. – С. 201-206. (0,3 п.л.)
6. Дискурсивное измерение революции // Дискурсология: методология, теория и практика. Доклады Второй Международной Научно-практической конференции, посвященной памяти Жана Бодрийара. 21 ноября – 14 декабря 2007г. Том I. – Екатеринбург: Изд. дом. «Дискурс-Пи», 2007. – С. 128-129. (0,2 п.л.)
7. «Новый человек» Н.Н. Страхов об антропологии нигилизма и революции // Страхов и русская культура XIX – XX вв.: к 180 летию со дня рождения: Материалы международной научной конференции. – Белгород: ИПЦ «Полиterra», 2008. – С. 18-21. (0,4 п.л.)
8. К методологии проблемы культурной антропологии терроризма // Социокультурная среда молодежного экстремизма и ксенофобии. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Белгород: Константа, 2008. – С. 202-205. (0,5 п.л.)
9. О методологии дискурсивного анализа революционного терроризма // Философия и наука поверх барьеров: философское и социально-гуманитарное знание в начале нового

столетия: материалы II Всерос. науч. конф. молодых ученых, докторантов, аспирантов и студентов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – С.35-37. (0,5 п.л.)

10. Дискурсивное измерение современного терроризма // Человек террористический: методология исследования, культурно-антропологические парадигмы, повседневность, региональные угрозы: колл. монография под ред. В.П. Римского. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – с. 158- 196 (13,02/2 п.л.) (в соавт.)

11. Системная методология в исследовании культурно-антропологической природы терроризма // Наука и философия: классические, неклассические и постнеклассические парадигмы: колл. монография под ред. В.П. Римского. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2008. – с. 258 – 269 (28,6 п.л.) (в соавт.)

12. Терроризм и исторический дискурс // Философия и наука поверх барьеров: культурно-цивилизационные и антропологические кризисы идентичности в современном мире: материалы IV Всерос. науч. конф. молодых ученых, докторантов, аспирантов и студентов. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 29-30. (0,5 п.л.)

13. Революция как событие репрезентации: методологические основания//Развитие внутрироссийской мобильности научных и научно-педагогических кадров на базе ведущих научно-образовательных центров в области социально-гуманитарных наук: материалы Всероссийской конференции с элементами научной школы для молодежи. Белгород, (9-12 ноября 2010г.). – Белгород: БелГУ, ООО «ГНК» 2010г. – С. 96-100. (0,5 п.л.)

14. Дискурс революции в русской философии начала XX века: мораль, идеология, технология // Шестые Страховские чтения: философские проблемы понимания в культуре и науке: материалы междунар. науч. конф., Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 207-212. (0,5 п.л.)

15. Концептуализация революции и проблема этического / Философия и наука поверх барьеров. Философия науки: история и современность: Материалы V Всерос. науч. конф. молодых ученых, докторантов, аспирантов и студентов (г. Белгород, 8-9 апреля 2010 г.). – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – С. 26-30. (0,4 п.л.)

